

DOI: 10.31857/S032103910007713-7

## ПОНЯТИЕ «ДРЕВНИЙ ВОСТОК» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX В.

И. А. Ладынин

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

*E-mail: ladynin@mail.ru*

Термин «древний Восток» был воспринят русской наукой еще в конце XIX в. из немецкой историографии и использовался как обозначение цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, история которых предшествовала эллинистическому времени. В 1910-е годы в своем труде «История древнего Востока» Б.А. Тураев, формально не отказываясь от такого значения данного термина, показал возможность и необходимость сопоставления с культурами древнего Востока многих других культур ранней древности, а также поиска взаимосвязей между цивилизациями Ближнего и Среднего Востока и других регионов Азии. Тем самым был открыт путь к формированию уже в советское время, усилиями самого известного из учеников Тураева В.В. Струве, более широкой трактовки понятия «древний Восток», с включением в него Индии и Китая. Теория Струве об обществах древнего Востока как начальном этапе рабовладельческого способа производства не выдержала испытания временем, однако само понятие «древний Восток» в его широкой трактовке закрепилось в отечественной науке. Вместе с тем теоретическая разработка этого понятия представляет и на сегодняшний день актуальную историографическую задачу.

*Ключевые слова:* историография, история науки, древний Восток, Ближний и Средний Восток, Индия, Китай, Б.А. Тураев, В.В. Струве

---

*Данные об авторе.* Иван Андреевич Ладынин – доктор исторических наук, доцент, участник научного коллектива по гранту РФФИ 18-18-00367 ИВИ РАН; доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

# THE CONCEPT OF THE “ANCIENT ORIENT” IN RUSSIAN AND SOVIET SCHOLARSHIP OF THE TWENTIETH CENTURY

Ivan A. Ladynin

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;*

*E-mail: ladynin@mail.ru*

*Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00367*

The term “Ancient Orient” was borrowed by Russian scholarship from the German tradition already in the late nineteenth century and was used to denote the civilizations of the Near and Middle East in the pre-Hellenistic age. In the 1910s B.A. Turaev in his work *A History of Ancient Orient* demonstrated the possibility and necessity of comparing the ancient Oriental civilizations (without abandoning the initial meaning of the term “Ancient Orient”) with other early ancient cultures and of searching connections between the Near and Middle Eastern civilizations and other regions of Asia. Thus, a path was paved towards a wider interpretation of the notion of the “Ancient Orient”, including India and China. Struve’s theory of the Ancient Oriental societies as the first stage of the slave-owning mode of production was eventually abandoned; however, the wider interpretation of the term “Ancient Orient” was preserved in the late Soviet and post-Soviet research. Its theoretical elaboration remains a topical historiographic task.

*Ключевые слова:* historiography, history of scholarship, Ancient Orient, Near and Middle East, India, China, B.A. Turaev, V.V. Struve

Отечественные исследователи, привычно употребляющие термин «древний Восток», как кажется, редко задумываются о том, что в значении, принятом в русскоязычной науке, он, по сути дела, уникален. Вне нашей историографии этот термин используется прежде всего немецкоязычной наукой (*der alte Orient*)<sup>1</sup> и практически тождествен термину «древний Ближний Восток» (Ancient Near East) в английской терминологии: он обозначает культурно-исторический круг, существовавший до эллинистического времени в Западной Азии и в долине Нила и равновеликий с культурно-историческими кругами Южной Азии (Индии) и Восточной Азии (Китая). Как известно, в нашей науке понятие «древний Восток» относится ко всей совокупности древних цивилизаций Азии и долины Нила и включает в себя древние Индию и Китай; более того, оно имеет не просто географическое, но и стадияльное значение, обозначая определенный первичный этап в эволюции цивилизации.

Такое наполнение этого понятия порождает трудности в проведении его временных границ: если применительно к Индии и Китаю понятия «древность» и «древний Восток» совпадают, то для Ближнего и Среднего Востока история собственно древневосточных цивилизаций обычно ограничивается завоеванием Александра Великого. В связи с таким проведением финальной границы этого понятия не может не возникнуть ряд вопросов. Насколько правомерно отрывать от древневосточного этапа истории таких стран, как Египет, Вавилония и Иран, тот этап в развитии их местных культур, который приходится уже на эллинистическое время? Как следует относиться к политической

<sup>1</sup> См., например, von Soden 1985, 1–5.

традиции и культуре постэллинистических<sup>2</sup> царств Понта, Армении и в особенности Парфии: принадлежат ли они к античному миру или, ввиду значимости в них восточного компонента, должны считаться частью мира древнего Востока? Заметим, что в отечественной науке данные вопросы не столько имеют общепринятое решение, сколько мало обсуждаются; отношение к ним определяется тем, что постэллинистическими государствами занимаются прежде всего антиковеды, специализирующиеся по истории эллинизма, и в силу этого данные государства больше ассоциируются с античностью. Если же говорить о понятии «древний Восток» как обозначении определенной стадии в мировой истории, то вряд ли ее специфика имеет в сегодняшней отечественной историографии сколько-нибудь обязывающую расшифровку. Тем не менее, несмотря на эти затруднения, сама привычность этого понятия в нашей научной традиции доказала его жизнеспособность, и сейчас мы мало задумываемся не только над уникальностью его значения, но и над его истоками. Несмотря на свойственную отечественной (в частности, советской) историографии тенденцию авторефлексии, эти истоки, кажется, никогда не анализировались специально; и предпринять опыт такого анализа и составить задачу настоящей статьи.

Думается, что истоки данного понятия нашей историографии коренятся в научной и просветительской деятельности основоположника изучения древнего Востока в нашей стране — Б.А. Тураева, 150-летие со дня рождения которого исполнилось в 2018 г., а также в прямо связанной с нею деятельности уже в советское время наиболее успешного из его учеников — В.В. Струве. Однако формулировка понятия «древний Восток» Тураевым, безусловно, опирается на опыт мировой и, в меньшей мере, русской науки его времени, и чтобы установить ее предпосылки, необходимо для начала обратиться к этому опыту.

Как известно, в новоевропейской мысли понятие «Восток» впервые употребил в стадильном смысле, как обозначение этапа истории, предшествующего классической античности, Г.В.Ф. Гегель. Можно допустить, что склонность российской науки удерживать это его стадильное значение в какой-то мере определяется влиянием гегельянства. При этом для Гегеля в данное понятие входили как Индия и Китай, так и ахеменидская Персия, в которой он видел синтез всех культур ближне- и средневосточного ареала<sup>3</sup>. Примечательно, что на первом этапе своего творчества, в статье 1892 г. для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», Тураев относится к такому соединению в одном понятии трех макрорегионов Востока резко отрицательно. Подчеркивая изолированность Индии и Китая, он говорит, что Гегель «придумывает связь фантастическую» между ними и Ближним Востоком, и солидаризуется с Л. фон Ранке, который «решительно выкидывает историю этих двух стран» в отличие от тех историков, что «продолжают видеть в древней истории комплекс частных историй»<sup>4</sup>. Как видно, для Тураева уже на этом этапе исто-

---

<sup>2</sup> См. расшифровку этого термина в отечественной историографии: «эпоха эллинизма — это время политического господства греков, а постэллинизм — это время, когда политическая власть греков уже уничтожена и к власти приходят господствующие слои местного населения» (Gaibov, Koshelenko, Serditykh 1992, 31).

<sup>3</sup> Hegel 2000, 159–250.

<sup>4</sup> Turaev 1892, 285.

рия древнего Востока представлялась прежде всего процессом, вовлекающим в себя сразу целый ряд народов.

Обосновать характер этого процесса во второй половине XIX в. удалось Г. Масперо, издавшему в 1875 г. однотомную «Древнюю историю народов Востока», а в 1895–1899 гг. — уже трехтомную «Древнюю историю народов классического Востока»<sup>5</sup>. В последнем труде сформулировано понятие «классический Восток», приобретающее относительную известность и, в частности, использованное при частичном переиздании знаменитого труда Тураева в 1924 г.: оно включает в себя, ожидаемым образом, цивилизации Ближнего и Среднего Востока, тесно связанные с античным миром. Для их истории Масперо вырабатывает последовательную и в целом не вызывающую возражений и с позиций сегодняшнего дня периодизацию, этапом в которой соответствует деление его труда на тома: первый том («Начало: Египет и Халдея») описывает историю цивилизаций долины Нила и Месопотамии, развивавшихся изолированно до середины II тыс. до н.э.; второй том («Первые смешения народов») — позднебронзовый век в современной терминологии, когда Ближний Восток действительно впервые становится ареной единых экономических и геополитических процессов; третий том («Империи») — время его политической интеграции в составе «мировых держав» I тыс. до н.э., вплоть до завоеваний Александра. Детерминантой истории классического Востока для Масперо является нарастание взаимодействий между очагами его цивилизации вплоть до их полной политической интеграции, и в целом этот процесс генетически предшествует эпохе эллинизма. Другой аспект по сути дела этого же процесса был обозначен в 1890-х годах Эд. Мейером в рамках его циклистской концепции древней истории. Крайне неверно, как это нередко делается, сводить суть этой концепции применительно к древнему Востоку исключительно к определению его общества как феодального<sup>6</sup>: в рамках полемики с К. Бюхером для Мейера было принципиально важно, что развитие Египта, Месопотамии и в целом ближневосточного региона было динамичным, в нем неуклонно нарастала значимость экономических связей и товарно-денежных отношений, достигшая максимума в середине I тыс. до н.э.<sup>7</sup> Характерно, что для Мейера важнейшим рубежом, завершающим изложение в его «Истории древности», послужило не начало эллинизма, а этап середины IV в. до н.э., когда классическая греческая история заканчивается падением греческого господства на Сицилии и возвышением Македонии и исторический процесс и в Греции, и на Востоке приобретает некое новое качество<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> Maspero 1875; 1895–1899.

<sup>6</sup> Расхожестъ этого представления даже в научных кругах можно проиллюстрировать характеристикой, которую концепция Эд. Мейера получила в интервью известного российского шумеролога В.В. Емельянова («Изучая шумеро-аккадские тексты, становишься и сам немного шумером». *Полит.ру*. 13 ноября 2012 г. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/13/babylon/>; дата обращения: 9.10.2019): по его словам, как Мейер в мировой науке, так и Струве — в советской «пришли к выводу, что история древнего мира может быть понята как особая общественно-экономическая формация. Но Мейер считал эту формацию феодальной, а Струве — рабовладельческой» (при этом, согласно Емельянову, концепцию Мейера — одну из определяющих для мировой науки о древности в первые десятилетия XX в. — якобы «на Западе... посчитали курьезом!»).

<sup>7</sup> Meyer 1910, 30–34.

<sup>8</sup> См. Protasova 1938, 309–310; Meißner 2012, 818.

Пока мы не затронули вопрос о появлении в науке самого термина «древний Восток», который, как мы видели, не употребляет Масперо. Нет сомнений, что этот термин появляется в немецкоязычной науке, что, кстати, хорошо объясняет его восприятие в научной традиции нашей страны, в XIX — начале XX в. находившейся прежде всего под немецким влиянием. Стоит обратить внимание на следующее: мы не видим этого термина во «Всеобщей истории» Георга Вебера, которая пользовалась большим авторитетом во второй половине XIX в. Первый том первого издания этого труда, посвященный истории древнего Востока, включая Индию и Китай, называется “*Geschichte des Morgenlandes*”; в русском переводе второго издания к этому названию прибавляется уточнение: «История Востока, изложенная сообразно новейшему состоянию исторических знаний о древнем Востоке»<sup>9</sup>. Это уточнение, насколько можно судить, исходит от переводчика, каковым, кстати, был вернувшийся из ссылки Н.Г. Чернышевский (его стремление «“очищать” Вебера» отметил со ссылкой на одного из тогдашних рецензентов еще Набоков в знаменитой четвертой главе «Дара»<sup>10</sup>); в оригинале немецкого второго издания первый том просто удержал свое исходное название<sup>11</sup>. Однако в 1873 г. в Лейпциге выходит книга некоего К.С. Вольшлегера под названием «Всемирно-исторический обзор истории древнего Востока (до начала греко-персидских войн)»<sup>12</sup>; а в 1876 г. известный антиковед А. фон Гутшмид посвящает методологической критике работ современных ему ассириологов брошюру «Новые работы по истории древнего Востока. Ассириология в Германии»<sup>13</sup>. В 1884 г. появляется первый том первого издания «Истории древности» Эд. Мейера под названием «История Востока до основания персидской державы», однако предмет рассмотрения в нем охарактеризован в предисловии как «история древнего Востока» (*die Geschichte des alten Orients*)<sup>14</sup>. Во всех указанных случаях термин «древний Восток» обозначает цивилизации Ближнего и Среднего Востока доэллинистического времени; по-видимому, такой узус сформировался в немецкой науке в течение 1860-х — начала 1870-х годов (грубо говоря, «между Вебером и Вольшлегером»), т.е. на том этапе, когда взаимосвязь между этими цивилизациями стала видна при изучении египетских и клинописных источников. Очевидно, что в таком виде этот термин усвоила и русская наука.

Как известно, Б.А. Тураев принадлежал к первому поколению русских профессиональных исследователей древнего Востока, и до него понятие «древний Восток» осмысливалось в нашей историографии лишь в курсах всеобщей истории, составлявшихся специалистами по другим ее разделам. Пожалуй, наиболее примечательна интерпретация этого понятия, предложенная в конце XIX — начале XX в. Н.И. Кареевым, исследователем новой истории и ученым с большим кругозором и вкусом к теоретической мысли<sup>15</sup>. В его характеристике древнего Востока здравые суждения симптоматично уживаются с клише,

<sup>9</sup> Weber 1857; 1885.

<sup>10</sup> Nabokov 2002, 471.

<sup>11</sup> Weber 1882.

<sup>12</sup> Wollschläger 1873.

<sup>13</sup> Von Gutschmid 1876; см. Turaev 1935, I, 32.

<sup>14</sup> Meyer 1884–1902, I, V.

<sup>15</sup> Kareev 1903a, b; 1904; в данной связи мы опираемся на хорошее обобщение материала трудов Н.И. Кареева в работе: Zhigunin, Myagkov 2002.

свойственными общегуманитарной литературе XIX в. К числу последних, безусловно, относится мнение о древнем Востоке как о застойном царстве религиозного догматизма, деспотической власти царей и безусловного поглощения личного начала; кроме того, Кареев воспроизводит мысли о первоначальном лидерстве семитских народов, сменяющихся затем «арийцами», которые можно найти в немецкой литературе XIX в. (Эти этнические термины мы находим и во «Всеобщей истории» Вебера, и у Мейера). Кареев сохраняет принятый немцами территориальный объем понятия «древний Восток» и подчеркивает изоляцию стоящих вне него цивилизаций Индии и Китая; по его словам, «в древнейшую эпоху исторические страны были в буквальном смысле оазисами среди культурной пустыни», а «всемирная история началась лишь тогда, когда началось сближение между такими изолированными странами»<sup>16</sup>. Соответственно, понятие «древний Восток» даже в объеме Ближнего и Среднего Востока становится для ученого функционально лишь с того момента, когда в принципе начинается такое сближение — со времени экспансии египетской XVIII династии в Азии. Как и у Масперо, у Кареева детерминантой развития стран древнего Востока оказывается их политическая интеграция — образование из мелких родов-государств больших монархий, а затем и их объединение в мировые державы. Примечательна осторожность Кареева по отношению к социально-экономическим дефинициям, введенным Эд. Мейером: считая феодализм прежде всего политическим, а не социально-экономическим явлением (что ожидаемо от историка нового времени), он подчеркивает, что, хотя и «можно говорить» о существовании в Египте «социального феодализма», т.е. форм зависимости, близких крепостничеству, но «политического феодализма», т.е. феодальной иерархии, там не было<sup>17</sup>.

Подводя некоторый итог этому, говоря условно, «дотураевскому», этапу бытования понятия «древний Восток» как в зарубежной немецкой, так и в русской науке, следует подчеркнуть прежде всего очень четкое определение его территориальных границ, а также употребление самого этого понятия лишь в контексте взаимодействия между народами Ближнего и Среднего Востока. Думается, что значимость этих моментов определялась прежде всего состоянием источниковой базы, доступной ученым на протяжении XIX в. Исключение из понятия «древний Восток» Индии и Китая подкреплялось отсутствием в это время каких-либо сведений об их древнейших цивилизациях III—II тыс. до н.э., развивавшихся не только синхронно цивилизациям Ближнего Востока, но, весьма вероятно, и по схожим моделям. Незнание этого этапа древней истории Индии и Китая смещало ее известную часть к тесно связанным с нею эпохам средневековья и Нового времени этих регионов, по сути дела, сливая их воедино: как выразился Тураев в своей энциклопедической статье, «история Китая не может быть названа ни древней, ни средней, ни новой»<sup>18</sup>. Акцент же на изолированности стран Ближнего Востока на древнейшем этапе их истории объясняется отсутствием или недостатком археологических данных и сведений об этнической истории, в которых отразились бы соединявшие эти страны экономические связи и большие этнические процессы.

---

<sup>16</sup> Kareev 1903a, 8—9.

<sup>17</sup> Kareev 1904, 64—65.

<sup>18</sup> Turaev 1892, 285.

Прежде чем перейти к разговору о трудах Б.А. Тураева, стоит сказать несколько слов о его современнике Р.Ю. Виппере, отчасти преодолевшем эти недостатки в восприятии древневосточного мира. Специалист по раннему Новому времени и профессор всеобщей истории в Московском университете, Виппер в начале XX в. публикует ряд своих лекционных курсов по истории древности. К этим публикациям относится и небольшая книга «Древний Восток и эгейская культура»<sup>19</sup> (которую, кстати, сам Тураев принял довольно негативно, как учебник, «грешащий модернизацией в своем изложении социальных и экономических отношений»<sup>20</sup>). Принципиально важно, однако, соединение в этой книге материала по цивилизациям Ближнего Востока (без Ирана) и по вновь открытым археологами цивилизациям Крита и ахейской Греции. Виппер проводит мысль об их типологическом сходстве, объяснимом в том числе и давними контактами между ними: «объединение античного (т.е. в данном контексте древнего. — *И. Л.*) мира в хозяйственном, религиозном и международно-политическом отношении совершилось вовсе не около времени нашей эры, в результате походов Александра Македонского и римских императоров, а по крайней мере за 2 или 3 тысячелетия до Р.Х.»<sup>21</sup> Очевидно, столь чрезмерные суждения и должны были вызвать неприятие Тураева, однако принципиально иное: в пособии Виппера проявилась тенденция к определенному пополнению понятия «древний Восток», правда, пока за счет не его собственного расширения, а сопоставления со вновь открытыми близкими ему цивилизациями.

Что же касается понятия «древний Восток» в трудах Б.А. Тураева<sup>22</sup>, то в его формировании целесообразно выделить два достаточно несхожих этапа. Первый из них представлен уже упомянутой статьей в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», автору которой в момент ее публикации было всего 25 лет. Позиция Тураева в этой статье сильно зависима от текущего состояния западной науки: из нее он усвоил не только жесткую ограниченность понятия «древний Восток», но и представление о преобладании в его культуре «хамитских и семитских народов»<sup>23</sup>. Интересна и довольно оригинальна периодизация истории древнего Востока, которой придерживался Тураев<sup>24</sup>: рубежом между ее первым периодом полной изоляции культур Египта, Сирии и Месопотамии и началом их интеграции, составляющим содержание второго периода, ему представлялся поход на Запад эламита Кедорлаомера (очевидно, передача эламского имени Кудур-Лагамар<sup>25</sup>), современника и союзника вавилонского царя Амрафела (его Тураев, как и многие другие, отождествляет с Хаммурапи, время которого наука того времени относил

<sup>19</sup> Vipper 1913, 1916 (далее мы используем второе, последнее дореволюционное издание этого пособия).

<sup>20</sup> Turaev 1935, I, 36.

<sup>21</sup> Vipper 1916, 3.

<sup>22</sup> Наследию Б.А. Тураева в 1990-е годы было посвящено два диссертационных исследования (El-Alami 1994; Sharov 1999), однако они не затрагивают подробно обсуждаемые нами сюжеты. В эпистемологическом (но, по сути дела, не в историографическом!) аспекте понятие «древний Восток» в трудах Б.А. Тураева и В.В. Струве анализируется в работах А.О. Захарова (Zakharov 2008, 2016).

<sup>23</sup> Turaev 1892, 285.

<sup>24</sup> Turaev 1892, 286–287.

<sup>25</sup> Nemirovskiy 2001, 196–216.

к финалу III тыс. до н.э.). Далее Тураев выделяет период преобладания Ассирии (с XII в. до н.э.) и Нововавилонского царства и период качественно новой интеграции Ближнего и Среднего Востока под властью Ахеменидов (с 546 г. до н.э.); финалом истории древнего Востока он считает начало эллинизма, не соглашаясь в этом вопросе с Эд. Мейером<sup>26</sup>. Государства Востока молодой ученый считал внутренне непрочными по причине как «придворных интриг», переворотов и смут, так и «постоянной внешней опасности со стороны блуждающих племен»<sup>27</sup>. Если первый фактор он явно переоценивает, то второй — фактор этнических миграций — обозначен им, пожалуй, четче, чем в мировой науке этого времени. Вместе с тем Тураев указывает на «живучесть восточных культур», в частности «хамитской культуры Египта», которая «сохранила свои основные элементы во времена господства эллинизма, воздействуя, в свою очередь, и на него, и на весь западный мир во все время Римской империи». Культуры Востока, пришедшие к синтезу в условиях «Персидской монархии», «будучи переработаны эллинизмом, а затем вышедшим из его среды христианством», и «послужили основанием византийской культуры, имевшей такое глубокое влияние на Западную Европу и особенно на Россию»<sup>28</sup>. Примечательно, что социально-экономический фактор в истории древнего Востока в этой статье Тураева не намечен (впрочем, работам Мейера по экономике древности еще только предстояло появиться), а фактор политической эволюции выделен скорее косвенно, в логике предложенной Тураевым периодизации.

Второй этап в разработке Б.А. Тураевым понятия «древний Восток» связан уже с изданием его университетского курса, вышедшим впервые в 1911–1912 гг., выдержавшим два переиздания еще до революции и удостоенным золотой медали Русского археологического общества<sup>29</sup>. Название «История древнего Востока» оказывается для этого учебного пособия, превратившегося в фундаментальный труд, исконным: хотя термин Масперо «классический Восток» Тураев считает удачным<sup>30</sup>, но сам его практически не использует, и его актуализация В.В. Струве и Н.Д. Флиттнер в переиздании первой части труда Тураева в 1924 г. связана скорее с поиском для издания эффектного названия. Наиболее принципиальным изменением в позиции Тураева по сравнению с его статьей 1892 г. представляется отказ от замыкания понятия «древний Восток» на традиционно связанный с ним культурно-исторический круг. С одной стороны, Тураев как будто не выходит за его рамки,

---

<sup>26</sup> Turaev 1892, 285. Любопытно, что на этом этапе Эд. Мейер, очевидно, еще не занимает в восприятии Тураева привычного для него позднее первенствующего места: Тураев говорит о том, что первый том его «Истории древности» — «прекрасная книга», и в данном контексте приводит его имя и фамилию правильно (Turaev 1892, 288); однако в контексте определения финальной границы истории древнего Востока он именуется «Мейр», а в контексте его авторства очерка по истории Египта (Meuer 1887) — даже «Ад. Мейер» (Turaev 1892, 288; судя по всему, Тураев вообще воспринял это имя как «Адольф» и в таком случае, возможно, не понял, что автор этого очерка и «Истории древности» — одно лицо).

<sup>27</sup> Turaev 1892, 288.

<sup>28</sup> Turaev 1892, 288.

<sup>29</sup> Turaev 1911–1912, 1913, 1924, 1935, I–II (мы используем последнее полное издание этого труда под редакцией В.В. Струве и И.Л. Снегирева).

<sup>30</sup> Turaev 1935, I, 8.

определяя во введении к своему труду территориальные пределы этого понятия: «Географический район, подлежащий нашему историческому изучению, простирается от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов»<sup>31</sup>. Однако, с другой стороны, в том же обширном абзаце введения Тураев формулирует ряд вопросов, показывающих относительность этих границ: «История Древнего Востока начинает превращаться в древний период истории средиземноморской культурной области. Но можно пойти еще дальше и предложить вопрос, в каком отношении к “Древнему Востоку” находятся те области, которые являются “Востоком” для нас и которые также обладают древней цивилизацией? Можем ли мы назвать этот древний период истории средиземноморской культурной области древневосточным по месту происхождения цивилизации, и если да, то в каком смысле? Имели ли Древний и Дальний Восток общий корень культуры, или: их цивилизации возникли независимо и потекли по параллельным руслам? Наука пока не дает ответа на этот вопрос. Китайская и вавилонская, даже древнеамериканская культуры имеют немало аналогий; посредственные сношения между ними могли существовать, но сведения об этом еще слишком несовершенны»<sup>32</sup>.

Последние слова этого пассажа с позиций сегодняшнего дня могут показаться захватывающими область псевдонауки, но в начале XX в. дело обстояло иначе. Действительно, было трудно предугадать, какие перспективы могут обозначить перед исследователями новые достижения археологии и дешифровок письменностей. Закономерно, что в издании труда Тураева 1935 г. именно этот пассаж сопровождается редакторским добавлением о «последних раскопках древнейших культур Индии и Китая», т.е. об открытии памятников Хараппы и Мохенджо Даро и Шан-Инь, а также о связях индской цивилизации с Месопотамией<sup>33</sup>. Однако прежде всего суждение Тураева важно в принципиальном плане, как признание самой возможности сопоставления культур Ближнего и Среднего Востока с другими ранними цивилизациями и даже выявления глубинных связей между ними, по крайней мере, в пределах ареала «Востока» в широком смысле этого слова: по сути дела, тем самым открывается путь к пополнению и расширению самого понятия «древний Восток». Думается, что у данной эволюции взглядов Тураева имеется по крайней мере две предпосылки. Во-первых, на него не могли не произвести впечатления археологические открытия начала XX в. на Крите и в Малой Азии, которые сразу существенно расширили культурно-исторический круг «древнего Востока» в привычном смысле этого термина. Во-вторых, в труде Тураева не раз проявилась его непримиримость по отношению к теории панвавилонизма, объяснявшей сходные черты во многих цивилизациях древности, в том числе за пределами Ближнего и Среднего Востока, иррадиацией культуры из Месопотамии<sup>34</sup>. Объяснение сторонниками панвавилонизма этих сходжений могло быть несостоятельным, однако сами по себе они могли указывать на наличие глубинных связей между разными регионами и побуждали задумываться об

<sup>31</sup> Turaev 1935, I, 3.

<sup>32</sup> Turaev 1935, I, 2.

<sup>33</sup> Turaev 1935, I, 2.

<sup>34</sup> Turaev 1935, I, 35–36; см. подробно о теории панвавилонизма: Emelyanov 2008, 575–579.

их природе<sup>35</sup>. Во всяком случае, по словам Тураева, «и в прошлом столетии на обособленности древневосточных цивилизаций едва ли можно было настаивать», а «в настоящее время новые открытия ее совершенно опровергли», причем свидетельства такого рода имеются и «для самых первобытных времен истории культурного человечества»<sup>36</sup>.

Данная позиция Тураева сочетается с его отказом от многих клише, повлиявших, как мы видели, на его современника Кареева. Древневосточное общество кажется ему достаточно динамичным и разносторонне развитым: как говорит Тураев, «едва ли может идти речь об общих характеристиках культур (напр., о пресловутых: неподвижности, теократизме, деспотизме и т.п.), имевших историю в несколько тысячелетий, прошедших несомненно различные стадии развития и притом принадлежащих народам самых различных рас»<sup>37</sup>. В периодизации истории древнего Востока в своем труде Тураев в целом придерживается схемы, предложенной им еще в энциклопедической статье, правда, смещая рубеж между первым и вторым периодами с эпохи библейского Кедорлаомера к началу экспансии Египта Нового царства (см., соответственно, разделы первого тома его труда «Сеннаар и Египет» и «Египетское преобладание»). При этом Тураев весьма определенно обозначает место древнего Востока во всемирной истории в целом: для него это «история цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству»<sup>38</sup>. В какой-то мере такое определение совпадает с мнением И. Дройзена, считавшего «космополитическую цивилизацию» эллинизма своего рода этапом перехода от варварства восточных народов к этическим религиям<sup>39</sup>. Однако для Тураева эта линия преемственности более нюансирована: он, разумеется, не считает культуру древнего Востока примитивной и, кроме того, полагает, что она продолжает сохраняться долгое время уже в условиях эллинизма и христианизации. Включение им во второй том его труда глав о странах Востока в эпоху эллинизма (прежде всего о Египте), а также сасанидском Иране показывает, что он видел возможности не только к территориальному, но и к хронологическому расширению понятия «древний Восток».

Восприятие древнего Востока как явления и этапа прежде всего в культурно-религиозном развитии человечества хорошо согласуется с собственной глубокой религиозностью Тураева и с его достаточно сложным отношением к определению социально-экономической природы восточных обществ, предложенному Мейером. С одной стороны, он признавал крупным достижением саму «возможность заняться экономической стороной жизни древневосточных народов, их политикой и государственностью»<sup>40</sup> и в некоторых случаях называет древневосточные общества феодальными; с другой стороны, как и Кареев, он не находит в них институтов, которые позволили бы говорить о феодализме в точном (прежде всего политическом) смысле слова. Так, приводя определения древнеегипетского общества на определенных этапах его развития как феодального, которые присутствуют в мировой

---

<sup>35</sup> См. о значимости фактора межкультурных связей и проблеме диффузии культур в труде Тураева: El-Alami 1994, 17–19.

<sup>36</sup> Turaev 1935, I, 6.

<sup>37</sup> Turaev 1935, I, 6.

<sup>38</sup> Turaev 1935, I, 1.

<sup>39</sup> Droysen 1890–1893, I, 379–382.

<sup>40</sup> Turaev 1935, I, 34.

науке, Тураев одновременно высказывает скепсис в связи с тем, что привилегии храмам Египта в конце Древнего царства можно назвать в точности имунитетом и не находит в Египте Среднего царства феодальной иерархии<sup>41</sup>; примечательно, что в трехтомном труде Масперо ему не нравится «слишком догматический тон»<sup>42</sup>. Очевидно, что в обществах древнего Востока ученый стремится увидеть их собственные явления, а не абстрактные дефиниции<sup>43</sup>, хотя к авторам таких дефиниций он по преимуществу относится с подобающим, по его мнению, почтением.

После смерти Б.А. Тураева отношение к нему и его научному наследию в советской науке 1920–1930-х годов оказывается неоднозначным. Пытаясь переиздать его главный труд в 1924 г., В.В. Струве и Н.Д. Флиттнер явно стараются представить Тураева частью того лучшего, что должна взять из дореволюционного опыта новая советская наука. Характерно, что во введении и в редакторских дополнениях к этому переизданию теоретические взгляды Тураева никак не обсуждаются и не оцениваются<sup>44</sup>, а идеологически (вернее, ситуационно) мотивированными оказываются лишь неумеренные похвалы деятельности Н.Я. Марра как создателя новой лингвистической теории и руководителя ряда научных структур<sup>45</sup>. В то же время в журналах, представлявших марксистскую науку, вплоть до середины 1930-х годов обнаруживаются выпады против Тураева прежде всего в связи с его религиозными убеждениями и местом, отведенном в его труде Ветхому Завету<sup>46</sup>.

Примечательно, что в 1920-е годы официальным вузовским учебником по истории древнего Востока становится дореволюционный лекционный курс казанского профессора М.М. Хвостова, переизданный с обширными редакторскими дополнениями Г.М. Пригоровского в 1927 г.: древний Восток в нем сведен, по сути дела, к Египту и Месопотамии, а его теоретической основой является «циклистская» концепция Мейера в гораздо более экстремистском «изводе», чем в ее частичном принятии Тураевым<sup>47</sup>. Само по себе это не очень удивляет: в 1920-е годы советская наука была довольно эклектична, и зарубежные концепции были в ней ко двору при наличии в них социально-экономической интенции<sup>48</sup>. Однако с начала 1930-х годов злободневным стало вписывание всех разделов всемирной истории, включая древность, в «правильные» марксистские категории, причем в рамках концепции, в которой исторический процесс не имел бы локальной специфики, а подчинялся универсальным базовым законам, был поступательным и не допускал бы возвратных, регрессивных

---

<sup>41</sup> Turaev 1935, I, 198–199, 203, 218.

<sup>42</sup> Turaev 1935, I, 33.

<sup>43</sup> Стоит обратить внимание на связь Тураева в начале его научного пути с оформившимся вокруг крупнейшего антиковеда В.В. Соколова кругом «фактопоклонников», представители которого крайне негативно воспринимали обобщения, не опирающиеся на строгую интерпретацию источников (см. Tomashevich 2001, 318–319).

<sup>44</sup> Turaev 1924, 7–11.

<sup>45</sup> Turaev 1924, 82–84.

<sup>46</sup> Например: Tagirov 1935, 119; Khachatryan 1937, 178–181; особенно обращает на себя высказывание Н.М. Никольского в большом введении к книге А.Б. Рановича против переиздания «курса... реакционного проф. Тураева» (Turaev 1935), явно направленное против его инициатора Струве: Nikolskiy 1937, V.

<sup>47</sup> Khvostov 1927; см. из новейшей литературы: Almazova 2017, 317–321.

<sup>48</sup> Krikh 2013, 74–83.

движений<sup>49</sup>. К тому же к середине 1930-х годов формируется и «запрос» на определенную респектабельность науки, в которой марксистские категории не должны были вытеснять фундаментальные академические понятия. Именно в этой ситуации ученик Тураева В.В. Струве формулирует свою концепцию рабовладельческого способа производства на древнем Востоке, предполагающую также и некое новое определение самого этого понятия<sup>50</sup>.

Струве никогда не скрывал положительного отношения к Тураеву и его трудам, но в 1930-е годы еще раз обозначил его в небольшой статье «Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг.»<sup>51</sup> и в написанном совместно с И.Л. Снегиревым редакторском предисловии к изданию (характерным образом, превосходному в полиграфическом отношении!) труда Тураева 1935 г.<sup>52</sup> В обеих публикациях Тураев отделен от собственно буржуазных ученых (в число которых попадают, кстати, эмигранты М.И. Ростовцев и В.С. Голенищев), а завершение и издание его трудов представлено важнейшей задачей советской науки. Тураевская «История древнего Востока» признается трудом, превосходящим трехтомник Масперо и «соответствующую часть» «Истории древности» Мейера, а к заслугам Тураева отнесено неприятие панвавилонизма. Критика Тураева вовсе отсутствует в статье 1932 г., а в редакторском предисловии она направлена на признание Тураевым феодального характера древневосточных обществ (редакторы не оговаривают довольно условное принятие им такого их определения)<sup>53</sup>, позитивную оценку им древневосточных религий (в этом контексте поминается и участие Тураева в Поместном соборе Российской православной церкви)<sup>54</sup>, а также приверженность Тураева «так наз. индо-европейской теории буржуазной лингвистики» (т.е. нормальному академическому сравнительно-историческому языкознанию, с делением языков на семьи и группы и постулированием для них праязыков, что отрицало «диалектико-материалистическое учение о языке» Марра) и преувеличение им роли миграций на древнем Востоке. Последние черты научного мировоззрения Тураева были даже охарактеризованы как косвенное проявление «расовой теории»<sup>55</sup>. Специально говорится о том, что труду Тураева свойственно «недопустимое отделение и противопоставление исторического развития древнейших обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Персии и т.д. историческому развитию народов Индии и Китая»: по мнению редакторов, все эти общества представляли собой одну – рабовладельческую – «формацию», а «каких-либо специфических отдельных путей развития обществ Индии и Китая» не было<sup>56</sup>. Равным образом, по этой же причине объявляется ложным и введенный Масперо термин «классический Восток»<sup>57</sup>, однако само

<sup>49</sup> Ladynin 2016, 12–13.

<sup>50</sup> См. в целом об этой концепции Krikh 2013, 89–115, а также ряд статей этого автора.

<sup>51</sup> Struve 1932, 28.

<sup>52</sup> Turaev 1935, I, V–XII.

<sup>53</sup> Turaev 1935, I, IX.

<sup>54</sup> Turaev 1935, I, X.

<sup>55</sup> Turaev 1935, I, X.

<sup>56</sup> Turaev 1935, I, VIII.

<sup>57</sup> Turaev 1935, I, IX. См. весьма негативную оценку критики Тураева в этом редакторском предисловии (особенно в связи с приписыванием ему следования «расовой теории») в Korostovtsev 1980, 20–22.

тураевское понятие «древний Восток», как видно, сохраняется в качестве необычайно значимого и приобретает новое, марксистское содержание.

Последний выпад против Тураева, казалось бы, затушевывает содержащуюся в его позиции возможность к расширению понятия «древний Восток», о которой мы говорили выше; едва ли, однако, редакторы его труда не сознавали наличия в нем такой возможности и ее значения. Если они не указали на нее прямо, то, вероятно, потому, что Тураев обосновывал ее не принадлежностью древних обществ Востока к раннему этапу рабовладельческой формации, а чертами сходства и глубинными связями между ними. Последний момент в те времена вообще не полагалось акцентировать, объясняя все существенные черты того или иного общества его внутренней, мотивированной социально-экономическими факторами эволюцией<sup>58</sup>: не случайно редакторы переиздания Тураева поругали его за слишком большое внимание к фактору миграций! При этом в середине 1930-х годов аргументированного расширения понятия «древний Восток» на всю восточную ойкумену в трудах Струве все еще не было. В так называемом «кратком курсе» истории древнего Востока, который он издал на основе студенческих конспектов в 1934 г.,<sup>59</sup> определения этого понятия нет вовсе: в первой фразе введения скороговоркой констатируется, что данный курс «обнимает собою историю обществ в странах Ближнего Востока (восточная часть Средиземноморья)»<sup>60</sup>, а в предисловии к этой книге, написанном А.В. Мишулиным, лишь намечаются перспективы выявления рабства в Индии по «Законам Ману»<sup>61</sup>. Теоретические работы Струве, появившиеся в 1934 г., были построены исключительно на материале Ближнего Востока и задачи определить понятие «древний Восток» в целом не ставили<sup>62</sup>. Нет такого определения и в посвященном древнему Востоку и написанном в основном Струве первом томе «Истории древнего мира», изданной Государственной академией истории материальной культуры в середине 1930-х годов: собственно, в этом издании опять же нет и разделов по Индии и Китаю<sup>63</sup>. Впервые Струве «осваивает» материал этих регионов, а также дает определение понятию «древний Восток» в учебнике 1941 г., изданном под его именем, хотя по сути дела он представлял собой коллективный труд (помимо Струве в работе над ним участвовали Н.А. Шолпо, И.Л. Снегирев, М.А. Коростовцев, Б.Б. Пиотровский, Р.И. Рубинштейн, В.М. Алексеев<sup>64</sup>).

В коротком, всего на пять страниц, введении к этой книге Струве прежде всего дает необычайно тщательное определение территориальных границ

---

<sup>58</sup> См., в частности, о наиболее ярких симптомах этой тенденции в «новом учении о языке» Марра: Alpatov 2011, 37–41.

<sup>59</sup> См. об этом Diakonoff 1995, 278.

<sup>60</sup> Struve 1934a, 15.

<sup>61</sup> Struve 1934a, 10–11.

<sup>62</sup> Struve 1934b, с.

<sup>63</sup> Struve 1936.

<sup>64</sup> Struve 1941, 2: расширенное библиографическое описание, указывающее, в частности, что данное издание представляет собой переработку тома по древнему Востоку в «Истории древнего мира», изданной ГАИМК. Напрашивается вопрос, в какой мере на появление этого издания повлияла проходившая одновременно с его подготовкой при участии тех же авторов работа над вторым томом «Всемирной истории», посвященным древнему Востоку (см. Karuyuk, Krikh 2018, 1028); аргументированный ответ на этот вопрос возможен лишь при обращении к соответствующему архивному материалу (см. рукописи глав данного тома: АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 420–437).

древнего Востока, в которые включены Индия и Китай (о непривычности этого материала говорит гиперкорректное написание названий китайских рек — «Хуан-хэ» и «Янцзы-цзян» — и употребление названия «Великий океан» вместо Тихого)<sup>65</sup>. Любопытно, что в этом контексте ученый выстраивает своеобразную иерархию древневосточных стран: «страны, изучение которых продвинуто наукой достаточно далеко благодаря большому количеству памятников»; «более или менее эфемерные государственные образования, которые оставили меньше памятников, но которые в известный период сыграли свою роль»; «многочисленные племена, находившиеся в состоянии варварства, о которых мы узнаем лишь тогда, когда они появляются в связи с другими, более культурными народами»<sup>66</sup>. Предполагающаяся неопределенность сведений о двух последних категориях стран должна была, похоже, оправдать неопределенность и самого понятия «древний Восток». Струве вновь обрушивается на проведенное Масперо терминологическое противопоставление истории Индии и Китая «классическому Востоку», находя в этом термине еще один негативный аспект: «Буржуазные историки интересовались его историей лишь как введением к истории европейских народов»<sup>67</sup> (самоценность истории обществ Востока становится важным мотивом в свете знаменитого «пробуждения Азии» в 1910–1920-е годы и особенно поддержки Советским государством революционного движения в Китае<sup>68</sup>). Введение содержит целый ряд общих для советского марксизма постулатов, подкрепленных цитатами классиков: о закономерностях эволюции «пастушеских племен» эпохи «варварства» («Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса), о классовом характере государства («О государстве» Ленина), об универсальности и особенностях рабовладельческого строя («О диалектическом и историческом материализме» Сталина)<sup>69</sup>. Что же касается особенностей древневосточных обществ, которые в целом признаются рабовладельческими, то Струве ограничивается достаточно общими словами: «Эти особенности заключаются прежде всего в сохранении некоторых черт первобытно-общинного строя, в сохранении сельской общины, сохранении некоторых элементов патриархальных отношений, в несколько замедленном,

---

<sup>65</sup> Struve 1941, 3–7.

<sup>66</sup> Struve 1941, 3–4.

<sup>67</sup> Struve 1941, 4.

<sup>68</sup> Мы не считаем нужным касаться сейчас подробно, без сомнения, очень важного вопроса о предпосылках обращения к истории Индии и Китая в политической конъюнктуре конца 1920-х — начала 1930-х годов, конкретно во вмешательстве СССР и Коминтерна в ситуацию в Китае, сначала с опорой как на Гоминьдан, так и на КПК, а затем с поддержкой коммунистов в противостоянии этих сил. Как известно, переворот Чан Кайши и разгром КПК в 1927 г. стал важным поводом для обсуждения (во многом вполне дилетантского) вопроса о том, не следует ли считать события в Китае проявлением совершенно специфических для Востока по сравнению с Европой закономерностей исторического развития в ходе первой дискуссии об «азиатском способе производства»: Krikh 2013, 83–89. Нам представляется, однако, что и независимо от любой политической конъюнктуры тезис о невозможности особого «восточного» пути развития и об универсальности основных этапов всемирной истории был бы воспринят советским марксизмом в силу его идеологической интенции (см. наше прим. 49); соответственно, была во многом predetermined и согласующаяся с этим тезисом расширительная трактовка понятия «древний Восток».

<sup>69</sup> Struve 1941, 4–6.

застойном характере развития общества, в чрезвычайной стойкости общинных форм собственности на землю» (последний тезис подкрепляется цитатой из «Форм, предшествующих капиталистическому производству» Маркса<sup>70</sup>). Именно наличие общины, по словам Струве и в соответствии со ссылками на Маркса и Энгельса, удерживает на Востоке развитие рабства на уровне «домашнего рабства», которое «не проникает во все сферы хозяйственной жизни»<sup>71</sup>. Исподволь и опять же ссылаясь на Энгельса и на Сталина, Струве проводит мысль об особой значимости на древнем Востоке речной ирригации и о более быстром образовании государства в странах речных долин<sup>72</sup>. Наконец, еще одним «извинением» за неконкретность даваемых определений звучит ссылка на неоднородность древневосточных обществ: с одной стороны, их не следует противопоставлять обществам Греции и Рима, но, с другой стороны, «мы не можем говорить о всем древнем Востоке в целом, стирая всякие отличия в истории отдельных стран, как не следует, например, стирать отличия в истории Аттики, Спарты, Беотии, Македонии»<sup>73</sup>. Неконкретность общего определения древнего Востока у Струве усиливается тем, что он не решается ввести в него в качестве общетеоретического положения некоторые свои излюбленные тезисы, сформулированные в теоретических трудах — например, о первоначальной коллективной собственности общины на Востоке не только на землю, но и на рабов<sup>74</sup>. Некоторое наполнение (хотя, безусловно, ложное) понятию «древний Восток» могла бы придать теория Марра с ее тезисом о наличии в развитии человеческого мышления фазы яфетических языков, которые было принято искать у древнейших цивилизаций<sup>75</sup>; однако пик влияния этой теории был пройден со смертью Марра в 1934 г.,<sup>76</sup> и Струве прибегал к ее постулатам лишь эпизодически<sup>77</sup>.

Совершенно катастрофически в рамках определения Струве обстоит дело с периодизацией истории древнего Востока. Можно сказать, что схему развития рабовладельческих отношений Струве выстроил «во времени» с большей подробностью для древнего Египта и с меньшей — для Месопотамии, однако эти схемы не формировали логики исторического процесса для древнего Востока в целом. В учебнике 1941 г. Струве фиксировал конкретные изменения в технологии или в товарности экономики для отдельных регионов в те или иные эпохи, но не предложил их сквозной по всему древнему Востоку классификации. Даже знаменитое восстание рабов и бедняков в Египте конца Среднего царства, которое он «открыл»<sup>78</sup>, в отличие от восстания Спартака в ряде

<sup>70</sup> Struve 1941, 6.

<sup>71</sup> Struve 1941, 6–7.

<sup>72</sup> Struve 1941, 7, 5.

<sup>73</sup> Struve 1941, 6.

<sup>74</sup> Struve 1934c, 37; Krikh 2013, 105. Коллективная собственность на рабов упоминается лишь вскользь как черта древнейшего классового общества Месопотамии в соответствующей главе: Struve 1941, 67.

<sup>75</sup> Alpatov 2011, 23–31, 39–40; см. о рецепции «яфетической теории» Марра у Струве: Krikh 2016.

<sup>76</sup> Alpatov 2011, 112–142.

<sup>77</sup> См. синопсис апелляций Струве в «Истории древнего Востока» 1941 г. к Марру и его постулатам: Krikh 2016, 61–62.

<sup>78</sup> См. о данном важнейшем в построениях Струве сюжете: Ilin-Tomich 2016.

изводов знаменитой концепции «революции рабов»<sup>79</sup>, по сути дела, не стало рубежом между большими историческими эпохами: Струве все же не принял на себя ответственности за утверждение, что оно ниспровергло государственность Среднего царства, а роль разделителя между этой эпохой и Новым царством в любом случае принадлежала владычеству гиксосов. Более того, в ряде случаев изложение материала у Струве нивелирует разницу между эпохами: так, в главе своего учебника «Царство Израиля и Иуды» он охотно приводит параллели между практиками библейских пророков и шаманизмом первобытности<sup>80</sup>, выявляет в иудаизме черты фетишизма, тотемизма и иных архаических культов<sup>81</sup>, сопоставляет мотивы Ветхого завета и мирового фольклора или египетской литературы<sup>82</sup>. Смысл этих манипуляций очевиден: они призваны показать, что в иудаизме «нет ничего особенного», что это никоим образом не вероучение, возвестившее истину, а, как сказал бы булгаковский Берлиоз, одна из восточных религий. Однако тем самым религиозная ситуация I тыс. до н.э. утрачивает свою специфику и «подтягивается» к некоему единому для всего древнего Востока континууму, в который входят и культы III–II тыс. до н.э. Понятно, что применительно к философским системам Индии и Китая I тыс. до н.э. такое «подтягивание» было немыслимо, однако в учебнике Струве (в главах по данным регионам, написанным Шолпо), по сути дела, просто констатируется их возникновение вследствие тех или иных социальных изменений, без каких-либо комментариев в связи с их качественными отличиями от стадияльно более ранних мировоззрений<sup>83</sup>.

Можно сказать, что понятие «древний Восток» в формулировке В.В. Струве представляло собой в определенной мере шаг назад по сравнению с его формулировкой Б.А. Тураевым: последняя была более действенна как исследовательский конструкт хотя бы потому, что давала более нюансированную и обоснованную периодизацию древневосточной истории. Весьма вероятно, что подозрительность советской науки 1930–1950-х годов к объяснениям исторических явлений, основанных на постулировании межкультурных и межэтнических контактов, а не внутреннего социального развития данного конкретного общества, помешала Струве воспринять важный тезис Тураева о древнем Востоке как системе взаимосвязей, тянущейся за пределы ближне- и средневосточного ареала; напротив, как мы видели, констатация внутреннего своеобразия каждого древневосточного региона помогала Струве затушевывать неконкретность его общих формулировок. «Выигрыш» по

---

<sup>79</sup> Krikk 2013, 124–127; Kirillova 2017, 352–353.

<sup>80</sup> Struve 1941, 291.

<sup>81</sup> Struve 1941, 296.

<sup>82</sup> Struve 1941, 298–299.

<sup>83</sup> Struve 1941, 410–414, 440–443. Можно обратить внимание на особое место буддизма в освещении в учебнике Струве этих сюжетов: согласно определению, подкрепленному цитатой из Энгельса, «возникновение буддизма связано с кризисом рабовладельческого общества, с борьбой против тесных рамок примитивного кастового строя, когда растущие производительные силы настоятельно требовали уже иных производственных отношений. Буддизм отражал этот кризис и вместе с тем отражал безвыходность создавшегося положения, бессильный протест, указывая путь спасения в “самосовершенствовании”, в уходе от жизни» (Struve 1941, 413). Тем самым новизна буддизма по сравнению с архаичными религиями, очевидная в силу его широкой известности, получает объяснение, однако сугубо социологическое.

сравнению с формулировкой Тураева состоял в том, что в «версии Струве» древневосточная история становилась действительно универсальной фазой в развитии обществ, возникших на определенном этапе, причем ее выделение было обосновано по социально-экономическим критериям.

Тем не менее, хотя слабости «версии Струве» должны были быть заметны, понятие «древний Восток» в его «расширенном» варианте все же удержалось в отечественной науке<sup>84</sup>. На советском этапе ее развития этому содействовали, на наш взгляд, несколько причин. Во-первых, все же сохраняли свой безусловный авторитет труды Тураева, в которых это понятие было впервые в отечественной науке всерьез обосновано. Во-вторых, открытие обществ Хараппы, Шан-Инь и раннего Чжоу создало ситуацию, в которой уже невозможно было сказать, что история Индии и Китая «не может быть названа ни древней, ни средней, ни новой»: эти регионы обрели свою древнейшую историю, и их состояние с середины I тыс. до н.э. теперь было естественно воспринимать как ее продолжение, а не как экспозицию к их средневековью и новому времени. С этой точки зрения «пополнение» понятия «древний Восток» Индией и Китаем, состоявшееся усилиями Струве, выглядело оправданным. Надо думать, достаточно большое значение имела не просто реабилитация после марристских эксцессов, а расцвет в позднесоветское время сравнительно-исторического языкознания и тесно связанных с ним исследований этногенеза (в трудах В.М. Иллича-Свитыча, И.М. Дьяконова, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, С.А. Старостина и др.): изучение этнических процессов поздней первобытности и древности убеждало в наличии широких взаимодействий и взаимосвязей между разными регионами Востока, которые предполагал еще Тураев. Наконец, в официальной науке сохранилось представление о том, что каждый крупный этап в истории человечества может быть лишь универсальным и, соответственно, понятие «древний Восток» должно быть максимально широким в территориальном отношении. Одновременно значительная часть ученых питала иллюзии по поводу возможного «непредвзятого» и «недогматичного» прочтения текстов Маркса и Энгельса, относящихся к Востоку, и интерпретации понятия «древний Восток» именно на этой основе (правда, такие иллюзии не просто не оправдались, но и не могли оправдаться)<sup>85</sup>.

Уточнение понятия «древний Восток» в науке позднесоветского времени 1960–1980-х годов было, на наш взгляд, достаточно ограниченным и непоследовательным. Статья М.А. Коростовцева «О понятии “древний Восток”», в значительной мере написанная в порядке реакции на дискуссии 1960-х годов об «азиатском способе производства»<sup>86</sup>, свела суть дела к нескольким пунктам: в истории древнего Востока важнейшую роль играли цивилизации долин великих рек; древневосточные общества предпочтительно считать раннерабовладельческими, согласно определению Струве, хотя экономически многие зависимые люди в них не были классическими рабами и, кроме того, в них играл большую роль труд свободных общинников, а также собственность общины на землю; наконец, для древнего Востока характерно особое

<sup>84</sup> Стоит заметить, что в первом томе «Всемирной истории» (М., 1955) это понятие не только остается без расшифровки, но и не фигурирует в заголовках частей и глав.

<sup>85</sup> См. Ladynin 2016, 22–24 с отсылками к литературе.

<sup>86</sup> Korostovtsev 1970.

состояние культуры, близкое к первобытности, с отсутствием дифференциации между религией и позитивными знаниями о мире, а также догматизма в религии и идеологии. Последний пункт казался Коростовцеву настолько важным, что в связи с ним он прибег к характерному приему советской полемике: если не можешь найти подходящую цитату у кого-то из «больших» классиков марксизма, ищи ее у классиков «малых». В подкрепление своего тезиса ученый привел высказывание Н.К. Крупской о времени, «...когда “ножниц” между наукой и религией не было»<sup>87</sup>: обоснованный таким образом тезис был по-настоящему важен, поскольку фактически вводил в советскую науку представление о специфичности архаического мировоззрения. Непоследовательность первых двух тезисов (далеко не все цивилизации древнего Востока возникли в речных долинах, а не-рабы все же не могут считаться рабами) была очевидна, скорее всего, и самому Коростовцеву, однако их смысл состоял, по-видимому, в том, чтобы окончательно снять «табу» раннесоветского времени с признания значимости в древних обществах географического фактора и свободной общины (что соответствовало общему направлению развития позднесоветской науки о древности<sup>88</sup>).

Наконец, уже в 1980-е годы И.М. Дьяконов и Г.А. Меликишвили предложили подробные схемы эволюции древневосточных обществ под влиянием экологических и индустриальных факторов, которые, в частности, намечали хорошо обоснованную периодизацию истории древнего Востока и в целом древности. Существенно, что, не разрабатывая специально понятие «древний Восток», Дьяконов ввел в научный оборот территориально более широкое понятие «ранняя древность», позволявшее соединить под ним, по сути дела, все цивилизации медно-каменного и бронзового века, независимо от их локализации<sup>89</sup>. Не менее важно было и определение специфики I тыс. до н.э. («второго периода древней истории») как эпохи, тенденции которой (прежде всего образование так называемых «мировых держав») определяются вступлением человечества в железный век<sup>90</sup>; при этом Дьяконов сделал робкую, но все же заметную попытку обозначить тенденцию этого времени к возникновению этических религий<sup>91</sup>. Меликишвили выделил в истории Ближнего

---

<sup>87</sup> Korostovtsev 1970, 15, с отсылкой к Krupskaya 1961, 118–120. Десятью годами позже в статье о Б.А. Тураеве Коростовцев в схожем контексте привел слова Маркса (более авторитетные как цитата) о том, что «религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял» (Marx 1955, 414; Korostovtsev 1980, 24: «А человек древневосточного общества – и это вряд ли надо доказывать – еще не обрел себя»).

<sup>88</sup> Ladynin 2016, 24–28.

<sup>89</sup> Diakonoff, Jakobson 1982, 6 (с определением данного этапа как «эпохи господства раннерабовладельческих отношений», называемой в этом же контексте «ранний период древнего общества»); Diakonoff *et al.* 1989, I, 31–56 (подробная характеристика основных черт данного периода, обозначение которого «Ранняя древность» вынесено в заголовки тома).

<sup>90</sup> Diakonoff *et al.* 1989, II, 5–26.

<sup>91</sup> Diakonoff *et al.* 1989, II, 26 («Лишь кое-где – в предгорьях Гималаев, на границе между оседлыми землями Ирана и полупустынями Средней Азии, в Палестине – идет борьба за внесение этики в общепринятую идеологию»). Пожалуй, неспрздным в связи с этим моментом будет вопрос, в какой мере Дьяконов учитывал сформулированную К. Ясперсом концепцию «осевого времени». В своей книге «Пути истории», написанной уже в 1990-е годы (Diakonoff 1995, 741; см. о ней Krikh 2013, 266–277),

Востока III—I тыс. до н.э. три этапа, для каждого из которых характерен определенный тип хозяйства и уровень товарности экономики<sup>92</sup>. Схемы Дьяконова и Меликишвили были сформулированы как конкурирующие, хотя на самом деле в них есть целый ряд точек соприкосновения, однако прежде всего их особенность состоит в том, что они построены на материале Ближнего Востока. То, что предложенная Дьяконовым схема не предлагает исчерпывающего объяснения историческому развитию Индии и Китая, по крайней мере, на этапе I тыс. до н.э., ученый признавал и сам<sup>93</sup>; и в этом смысле на данном, заключительном этапе развития советской историографии произошел как бы возврат к тураевскому понятию «древний Восток» в его приложении к ближне- и средневосточным обществам<sup>94</sup>, — правда, опять с признанием того, что нужно работать над подключением к нему в рамках единой схемы обществ Индии и Китая. При этом во введении к академической «Истории древнего Востока» определение понятия «древний Восток» дается скорее в соответствии с формулировками Коростовцева (главного редактора этого труда) в его статье 1970 г., нежели с построениями Дьяконова (автора огромного блока разделов в этом труде по Месопотамии, Восточному Средиземноморью и Малой Азии и редактора первого тома, посвященного древней Месопотамии)<sup>95</sup>. Важнейшее место в этом тексте отведено тезису Струве о раннерабовладельческом характере древневосточных обществ, а термин «илотия», употреблявшийся Дьяконовым для обозначения формы эксплуатации работников

---

когда о таких вещах можно было говорить совершенно свободно, Дьяконов уделил этическим мировоззрениям больше внимания, чем в краткой характеристике «второго периода древней истории» в «Истории древнего мира» (Diakonoff 1994, 55–61) и отдельно от их описания отметил, что «они подготовили социально-психологический переворот, послуживший тем механизмом, который в конечном счете привел к концу имперский период древности» (ibid., 64). В характеристике этого «механизма» Дьяконов довольно невнятен: он считает, что «первым диагностическим признаком пятой, средневековой фазы исторического процесса» было «превращение этических норм в догматические и прозелитические», т.е. возникновение догматических религий с церковной организацией (ibid, 69–70), говорит о возникновении на рубеже древности и средневековья «социально-психологического комплекса “несправедливости”» (ibid., 87) и замечает в связи со становлением ислама, что «целью любого массового идеологического движения» было устранение «социально-психологического дискомфорта» (ibid, 100). Как видно, эти замечания не оформлены в последовательную систему, а имя Ясперса в их контексте не упоминается; скорее они отражают собственную позицию Дьяконова возможно, не до конца оформившуюся и по своему реальному значению, безусловно, историческую, а не философскую или специфически историософскую (с чем, по мнению А.О. Большакова, любезно сообщенному нам, и должно быть связано неупоминание теории Ясперса, скорее всего, известной Дьяконову).

<sup>92</sup> Melikishvili 1985.

<sup>93</sup> Diakonoff *et al.* 1989, I, 49; II, 20.

<sup>94</sup> Мы благодарны А.О. Большакову за то, что при обсуждении данной статьи он обратил наше внимание на сформулированную уже в постсоветское время позицию В.А. Якобсона о существовании единой ближневосточной (включая Египет), или библейской, цивилизации, черты сходства между отдельными феноменами которой предпочтительно объяснять не заимствованиями, а наличием общих культурных констант: Jakobson 2012.

<sup>95</sup> *Istoriya drevnego Vostoka* 1983, 17–27.

в государственных хозяйствах<sup>96</sup>, дан вскользь, со слепой ссылкой на «ряд советских историков» и опять же на Струве, который эпизодически употреблял его в статьях и «в ряде своих научных выступлений»<sup>97</sup>.

Изменение приоритетов постсоветской науки прервало работу над схемами эволюции древневосточных обществ, как и академическое обсуждение других теоретических проблем. В этом смысле показательно, что в «третьем томе» академической «Истории древнего Востока», продолжившем это издание уже в постсоветское время (но все равно не завершившем его во всей полноте первоначального замысла<sup>98</sup>), в предисловии, написанном В.А. Яковсоном в весьма свободной форме, с риторическими выпадами против как советского марксизма, так и «концепции» Л.Н. Гумилева и с отступлениями на темы принципов летосчисления в древности и значения термина «цивилизация»<sup>99</sup>, задача сколько-нибудь четко определить само понятие «древний Восток» фактически не ставится (заменой такого определения, конечно, не может стать широкая и эмоциональная формулировка: «История древнего Востока есть начало мировой истории...»<sup>100</sup>). Думается, что итог эволюции понятия «древний Восток» в отечественной историографии XX в. оказывается двойственным: с одной стороны, в функциональности этого понятия убедили исследовательский опыт и сложившийся в его рамках терминологический узус (так, частью истории древнего Востока вполне признают свою дисциплину отечественные синологи, занимающиеся древнейшим этапом истории Китая); с другой стороны, с максимальной полнотой социально-экономическая специфика древневосточных обществ и периодизация их истории была обозначена для совершенно определенного ареала — Ближнего и Среднего Востока. Задачей будущего, которая, хочется надеяться, будет решена, является как осуществление аналогичной типологизации на материале Южной и Восточной Азии и сопоставление ее результатов с теми, что были получены на ближневосточном материале (в идеале — их соединение «в одной формуле»), так и максимально полное подключение к определению специфики древневосточного общества многочисленных наблюдений над особенностями их культур и закономерностями их эволюции.

---

<sup>96</sup> Diakonoff 1973; Diakonoff *et al.* 1989, I, 45.

<sup>97</sup> *Istoriya drevnego Vostoka* 1983, 21.

<sup>98</sup> В первой части первого тома этого издания был анонсирован обширный план его подготовки в формате трех книг: 1 книга (в двух частях) — «Зарождение классового общества и первые очаги цивилизации» (во введении «От редколлегии» тема этого тома сформулирована именно так, определение «...рабовладельческих цивилизаций» появляется лишь в заголовке тома); 2 книга — о «времени “возникновения и развития ранних древневосточных империй”», т.е. о периоде с XI—X по V—IV вв. до н.э.; 3 книга — о поздних древневосточных империях, начиная с «истории образования и распада империи Александра Македонского» (в двух частях — соответственно, о восточном эллинизме и постэллинизме и о «поздних империях... в Индии, Китае и других странах Востока» (*Istoriya drevnego Vostoka* 1983, 25). Реально были опубликованы в советское время две части 1 книги (М., 1983; 1988) и, уже в постсоветское время, 2 книга (несомненно, сильно преобразованная по сравнению с первоначальным замыслом: *Istoriya drevnego Vostoka* 2004).

<sup>99</sup> *Istoriya drevnego Vostoka* 2004, 34–56.

<sup>100</sup> *Istoriya drevnego Vostoka* 2004, 42.

## Литература / References

- Almazova, N.S. 2017: [At the turn of epochs. Lecture courses of Ancient History by Michail Khvostov in the teaching of 1900–1920s]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [*Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*] 6, 313–326.
- Алмазова, Н.С. На рубеже эпох. Лекционные курсы М.М. Хвостова по древней истории в преподавании 1900–1920-х гг. *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 6, 313–326.
- Alpatov, V.M. 2011: *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [*A History of a Myth. Marr and Marrism*]. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow.
- Алпатов, В.М. *История одного мифа: Марр и марризм*. 3-е изд. М.
- Diakonoff, I.M. 1973: [Slaves, helots and serfs in Early Antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–29.
- Дьяконов, И.М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. *ВДИ* 4, 3–29.
- Diakonoff, I.M. 1994: *Puti istorii* [*Paths of History*]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Пути истории*. М.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*A Book of Memoirs*]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. М.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1989: *Istoriya drevnego mira* [*A History of the Ancient World*]. Vol. I–III. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. (ред.). *История древнего мира*. Т. I–III. 3-е изд. М.
- Diakonoff, I.M., Jakobson, V.A. 1982: [‘Nome states’, ‘territorial kingdoms’, poleis and ‘empires’. Problems of typology]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 3–16.
- Дьяконов, И.М., Якобсон, В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», полисы и империи: Проблемы типологии. *ВДИ* 2, 3–16.
- Droysen, J.G. 1890–1893: *Istoriya ellinizma* [*A History of Hellenism*]. Transl. from German. Vol. I–III. Moscow.
- Дройзен, И.Г. *История эллинизма*. Пер. М. Шелгунов, Э. Циммерман. Т. I–III. М.
- El-Alami, M. Kh. 1994: *Problemy istorii Drevnego Vostoka v trudakh akademika B.A. Turaeva* [*Problems of the History of the Ancient Orient in the Works by Academician B.A. Turaev*]. Abstract of a Ph.D. Thesis]. Moscow.
- Эль-Алами, М.Х. *Проблемы истории Древнего Востока в трудах академика Б.А. Тураева*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Emelyanov, V.V. 2008: [The Religion of Ancient Mesopotamia in modern historiography]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Istoriografiya istorii drevnego Vostoka. Uchebnik dlya vuzov* [*The Historiography of the Ancient Orient: A Handbook for Universities*]. Vol. I. Moscow, 572–628.
- Емельянов, В.В. Религия древней Месопотамии в современной историографии. В кн.: В.И. Кузищин (ред.), *Историография истории древнего Востока. Учебник для вузов*. Т. I. М., 572–628.
- Gaibov, V.G., Koshelenko, G.A., Serditykh, Z.V. 1992: [The Hellenistic Orient]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: vostok i zapad* [*Hellenism: East and West*]. Moscow, 10–58.
- Гаиров, В.Г., Кошеленко, Г.А., Сердитых, З.В. Эллинистический Восток. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Эллинизм: восток и запад*. М., 10–58.
- Gutschmid, A. Fr. von 1876: *Neue Beiträge zur Geschichte des alten Orients: die Assyriologie in Deutschland*. Leipzig.
- Hegel, G.W. Fr. 2000: *Lektsii po filosofii istorii* [*Lectures in the Philosophy of History*]. Transl. from German. Saint Petersburg.
- Гегель, Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. Пер. с нем. А.М. Водена. СПб.
- Ilin-Tomich, A.A. 2016: [Social revolution in Egypt in the works by Vasily Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [*Journal of Dmitriy Pozharskiy University*] 2 (4), 35–46.
- Ильин-Томич, А.А. Социальный переворот в Египте в трудах В.В. Струве. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 35–46.
- Istoriya drevnego Vostoka* 1983: *Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii*. Ch. 1. *Mesopotamia* [*The History of Ancient Orient: Genesis of the Earliest Stratified Societies and the First Centers of the Slave-Ownning Civilization*]. Pt. 1. *Mesopotamia*. Ed. by I.M. Diakonoff. Moscow.
- История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 1. *Месопотамия*. Под ред. И.М. Дьяконова. М.

- Istoriya drevnego Vostoka* 1988: *Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii*. Ch. 2. Egipt. *Perednyaya Aziya* [The History of Ancient Orient: Genesis of the Earliest Stratified Societies and the First Centers of the Slave-owning Civilization. Pt. 2. Egypt. Near East]. Ed. by G.M. Bongard-Levin. Moscow.
- История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 2. Египет. *Передняя Азия*. Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.
- Istoriya drevnego Vostoka* 2004: *Istoriya drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy* [The History of Ancient Orient: From the Early Politics to the Ancient Empires]. Ed. by A.V. Sedov. Moscow.
- История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй*. Под ред. А.В. Седова. М.
- Jakobson, V.A. 2012: [The history of the Jews and the history of the Ancient Near East]. In: K.A. Bitner, L.A. Lukintsova (eds.), *Iudaika i vostokovedenie. Materialy nauchnoy konferentsii po iudaike, gebraistike i vostokovedeniyu. 22 dekabrya 2011 g.* [Jewish and Eastern Studies: The Proceedings of the Academic Conference on the Jewish, Hebrew and Eastern Studies. 22 December 2011]. Saint Petersburg, 123–128.
- Якобсон, В.А. История евреев и история древнего Ближнего Востока. В сб.: К.А. Битнер, Л.А. Лукинцова (ред.), *Иудаика и востоковедение: Материалы научной конференции по иудаике, гебраистике и востоковедению. 22 декабря 2011 г.* (Труды по иудаике. Филология и культурология, 1). СПб., 123–128.
- Kareev, N.I. 1903a: *Glavnye obobshcheniya vsemirnoy istorii. Uchebnoe posobie dlya srednego obrazovaniya* [Main Generalizations of the World History: Manual for Middle Education]. Saint Petersburg.
- Кареев, Н.И. *Главные обобщения всемирной истории. Учебное пособие для среднего образования*. СПб.
- Kareev, N.I. 1903b: *Obshchiy khod vsemirnoy istorii. Ocherki glavneyshikh istoricheskikh epokh* [General Current of the World History: Essays on the Major Historical Epochs]. Saint Petersburg.
- Кареев, Н.И. *Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох*. СПб.
- Kareev, N.I. 1904: *Monarkhii Drevnego Vostoka i greko-rimskogo mira* [The Monarchies of the Ancient Orient and of the Graeco-Roman World]. Saint Petersburg.
- Кареев, Н.И. *Монархии Древнего Востока и греко-римского мира*. СПб.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2018: [Work on “The World History” before World War II: searching for a management model]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 78/4, 1013–1033.
- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *ВДИ* 78/4, 1013–1033.
- Khachatryan, A. 1937: [Rev.: Turaev B.A. A History of the Ancient Orient. Vols. I and II. Ed. V.V. Struve and I.L. Snegiryov. OGIZ, 1936]. *Istoriik-Marksist* [Marxist Historian] 3, 176–181.
- Хачатрян, А. Реч. на: Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I и II. Под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. ОГИЗ, 1936. *Историик-марксист* 3, 176–181.
- Khvostov, M.M. 1927: *Istoriya drevnego Vostoka*. [A History of Ancient Orient]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow–Leningrad.
- Хвостов, М.М. *История древнего Востока*. Изд. 2-е. М.–Л.
- Kirillova, M.N. 2017: [In the search of the ‘Roman Revolution’: the transition from the Republic to the Empire in the research and university courses of Russian and western historians of antiquity in 1910s–1960s]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture] 6, 343–358.
- Кириллова, М.Н. В поисках «римской революции»: переход от Республики к Империи в исследованиях и учебных пособиях отечественных и зарубежных антиковедов 1910–1960-х гг. *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 6, 343–358.
- Korostovtsev, M.A. 1970: [The concept ‘Ancient Orient’]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–18.
- Коростовцев, М.А. О понятии «древний Восток». *ВДИ* 1, 3–18.
- Korostovtsev, M.A. 1980: [Boris Aleksandrovich Turaev]. In: *Drevniy Vostok*. Vyp. 2. *Pamyati akademika Borisa Aleksandrovicha Turaeva* [Ancient Orient. Issue 2. Commemorating Academician Boris Aleksandrovich Turaev]. Moscow, 19–23.
- Коростовцев, М.А. Борис Александрович Тураев. В сб.: *Древний Восток*. Вып. 2. *Памяти академика Бориса Александровича Тураева*. М., 19–23.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetsoy istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.

- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krikh, S.B. 2016: [V.V. Struve and Marrisism]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Journal of Dmitriy Pozharskiy University]* 2 (4), 47–72.
- Крих, С.Б. В.В. Струве и марризм. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 47–72.
- Krupskaya, N.K. 1961: *Voprosy ateisticheskogo vospitaniya [Questions of the Atheistic Up-bringing]*. Moscow.
- Крупская, Н.К. *Вопросы атеистического воспитания*. М.
- Ladunin, I.A. 2016: [Peculiarities of the landscape (How marxist was the “Soviet Antiquity”?)]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Journal of Dmitriy Pozharskiy University]* 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»? ). *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 9–32.
- Marx, K. 1955: [Critique of Hegel’s philosophy of the law. Introduction]. In.: K. Marx, F. Engels, *Sochineniya [Works]*. 2<sup>nd</sup> ed. Vol. I. Moscow, 414–429.
- Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. I. М., 414–429.
- Maspero, G. 1875: *Histoire ancienne des peuples de l’Orient*. Paris.
- Maspero, G. 1895–1899: *Histoire ancienne des peuples de l’Orient classique*. Vol. I. *Les origines: Égypte [et] Chaldée*. Vol. II. *Les premières mêlées des peuples*. Vol. III. *Les empires*. Paris.
- Meißner, B. 2012: Meyer, Eduard. In: P. Kuhlmann, H. Schneider (Hrsg.), *Geschichte der Altertumswissenschaften. Biographisches Lexikon*. (DNP Suppl., Bd. 6). Stuttgart–Weimar, 817–821.
- Melikishvili, G.A. 1985: [Principal stages in the development of Ancient Near Eastern society]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–24.
- Меликишвили, Г.А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества. *ВДИ* 4, 3–24.
- Meyer, Ed. 1884–1902: *Geschichte des Altertums*. Bd. I–V. Stuttgart–Berlin.
- Meyer, Ed. 1887: *Geschichte des alten Ägyptens*. (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, 1.1). Berlin.
- Meyer, Ed. 1910: *Ekonomicheskoe razvitiye drevnego mira [The Economic Development of the Ancient World]*. Transl. from German. Moscow.
- Мейер, Эд. *Экономическое развитие древнего мира*. Пер. под ред. М.О. Гершензона. М.
- Nabokov, V. 2002: *Russkiy period. Sobranie sochineniy v 5 tomakh [Russian Period. Works in 5 Volumes]*. Vol. IV. Saint Petersburg.
- Набоков, В. *Русский период. Собрание сочинений в 5 томах*. Т. IV. СПб.
- Nemirovskiy, A.A. 2001: *U istokov drevneevreyskogo etnogeneza. Vetkhozavetnoye predanie o patriarkhakh i etnopoliticheskaya istoriya Blizhnego Vostoka [At the Start of the Ancient Hebrew Ethnogenesis. The Old Testament Tradition of Patriarchs and the Ethnopolitical History of the Near East]*. Moscow.
- Немировский, А.А. *У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока*. М.
- Nikolskiy, N.M. 1937: [Some major problems of the general and religious history of Israel and Judah]. In: A.B. Ranovich, *Ocherk istorii drevneevreyskoy religii [Outline of the History of the Ancient Hebrew Religion]*. Moscow, III–LXXXIV.
- Никольский, Н.М. Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иуды. В кн.: А.Б. Ранович, *Очерк истории древнееврейской религии*. М., III–LXXXIV.
- Protasova, S.I. 1938: [The history of the Ancient World as outlined by Ed. Meyer]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 298–313.
- Протасова, С.И. История древнего мира в построении Эд. Мейера. *ВДИ* 3, 298–313.
- Sharov, A.V. 1999: *Tvorcheskiy put’ i nauchnoye nasledie akademika Borisa Aleksandrovichicha Turaeva. Avtoref. diss... kand. ist. nauk [The Creative Career and the Scholarly Heritage of Academician Boris Alexandrovich Turaev. Abstract of a Ph.D. Thesis]*. Moscow.
- Шаров, А.В. *Творческий путь и научное наследие академика Бориса Александровича Тураева*. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Soden, W. von 1985: *Einführung in die Altorientalistik*. Darmstadt.
- Struve, V.V. 1932: [Soviet research of the Ancient Near East in the period of 1917 to 1932]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material’noy kul’tury [Transactions of the State Academy for the History of Material Culture]* 9/10; 27–29.
- Струве, В.В. Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг. *Сообщения ГАИМК* 9/10, 27–29.
- Struve, V.V. 1934a: *Istoriya drevnego Vostoka. Kratkiy kurs [The History of the Ancient East. Short Course]*. Moscow.

- Струве, В.В. *История древнего Востока. Краткий курс*. М.
- Struve, V.V. 1934b: *Oчерki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevnego Vostoka* [Essays on the Social and Economic History of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Очерки социально-экономической истории древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 97). М. – Л.
- Struve, V.V. 1934c: *Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka*. [The Problem of Genesis, Evolution and Decay of the Slave-Holding Societies of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 77). М. – Л.
- Struve, V.V. 1936: *Istoriya drevnego mira*. Т. I. *Drevniy Vostok* [A History of the Ancient World. Vol. I. Ancient Orient]. Moscow.
- Струве, В.В. *История древнего мира*. Т. I. *Древний Восток*. М.
- Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka* [A History of the Ancient Orient]. Leningrad.
- Струве, В.В. *История древнего Востока*. Л.
- Tagirov, R. 1935: [Some remarks concerning the Minor Soviet Encyclopedia]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle] 9, 118–119.
- Тагиров, Р. Некоторые замечания о Малой Советской энциклопедии. *Борьба классов* 9, 118–119.
- Tomashevich, O.V. 2001: [A love confession. Instead of an afterword.] In: В.А. Тураев, *Бог Тот* [The God Thoth]. Moscow, 315–379.
- Томашевич, О.В. Объяснение в любви. Вместо послесловия. В кн.: Б.А. Тураев, *Бог Тот*. М., 315–379.
- Turaev, V.A. 1892: [Orient, Ancient]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*. [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. VII. Saint Petersburg, 285–289.
- Тураев, В.А. Восток древний. В кн.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. VII. СПб., 285–289.
- Turaev, V.A. 1911–1912: *Istoriya drevnego Vostoka. Kurs lektsiy, chitannyy v Sankt-Peterburgskom universitete v 1910–1911 gg.* [A History of the Ancient Orient. Lecture Course Read at the St. Petersburg University in 1910–1911]. Pt. 1–2. Saint Petersburg.
- Тураев, В.А. *История древнего Востока. Курс лекций, читанный в Санкт-Петербургском университете в 1910–1911 гг.* Ч. 1–2. СПб.
- Turaev, V.A. 1913: *Istoriya drevnego Vostoka. Kurs lektsiy, chitannyy v Sankt-Peterburgskom universitete* [A History of the Ancient Orient. Lecture Course Read at the St. Petersburg University]. Pt. 1–2. 2<sup>nd</sup> ed. Saint Petersburg.
- Тураев, В.А. *История древнего Востока. Курс лекций, читанный в Санкт-Петербургском университете*. Ч. 1–2. 2-е изд. СПб.
- Turaev, V.A. 1924: *Klassicheskiy Vostok*. Ch. 1. *Vvedenie. Vavilon* [The Classical Orient. Pt. I. Introduction. Babylon]. Leningrad.
- Тураев В.А. *Классический Восток*. Ч. 1. *Введение. Вавилон*. Л.
- Turaev, V.A. 1935: *Istoriya drevnego Vostoka* [A History of the Ancient Orient]. Vol. I–II. Leningrad.
- Тураев, В.А. *История древнего Востока*. Т. I–II. Л.
- Vipper, R. Yu. 1913: *Drevniy Vostok i egeyskaya kul'tura. Posobie k universitetskomu kursu* [The Ancient Orient and the Aegean Culture. A Manual for the University Course]. Moscow.
- Виппер, Р.Ю. *Древний Восток и эгейская культура: Пособие к университетскому курсу*. М.
- Vipper, R. Yu. 1916: *Drevniy Vostok i egeyskaya kul'tura. Posobie k universitetskomu kursu* [The Ancient Orient and the Aegean Culture. A Manual for the University Course]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow.
- Виппер, Р.Ю. *Древний Восток и эгейская культура: Пособие к университетскому курсу*. 2-е изд., дополненное. М.
- Weber, G. 1857: *Allgemeine Weltgeschichte unter besonderer Berücksichtigung des Geistes- und Kulturlebens der Völker und mit Benutzung der neueren geschichtlichen Forschungen für die gebildeten Stände bearbeitet*. Bd. I: *Geschichte des Morgenlandes*. Leipzig.
- Weber, G. 1882: *Allgemeine Weltgeschichte*. 2. Auflage unter Mitwirkung von Fachgelehrten revidiert und überarbeitet. Bd. I: *Geschichte des Morgenlandes*. Leipzig.
- Weber, G. 1885: *Vseobshchaya istoriya*. Т. I: *Istoriya Vostoka, izlozhennaya soobrazno noveyshemu sostoyaniyu istoricheskikh znaniy o drevnem Vostoke* [A General History. Vol. 1. A History of the Orient Exposed According to the Contemporary Condition of Knowledge on the Ancient Orient]. Moscow.
- Вебер, Г. *Всеобщая история*. Т. I: *История Востока, изложенная сообразно новейшему состоянию исторических знаний о древнем Востоке*. М.

- Wollschläger, C.S. 1873: *Universalhistorische Übersicht der Geschichte des Alten Orients (bis zum Beginn des griechischen Perserkriege)*. Oberhausen—Leipzig.
- Zakharov, A.O. 2008: ["Ancient Orient" in the conceptions of B.A. Turaev and V.V. Struve: a theoretical analysis]. *Vostok (Oriens)* 1, 11–24.  
Захаров, А.О. «Древний Восток» в построениях Б.А. Тураева и В.В. Струве: теоретический анализ. *Восток (Oriens)* 1, 11–24.
- Zakharov, A.O. 2016: ["Ancient Orient" in the conceptions of B.A. Turaev and V.V. Struve]. In: V.O. Bobrovnikov, S.J. Miri (eds.), *Orientalizm vs. Orientalistika [Orientalism vs. Orientalistics]*. Moscow, 27–52.  
Захаров, А.О. «Древний Восток» в теоретических построениях Б.А. Тураева и В.В. Струве. В кн.: В.О. Бобровников, С. Дж. Мири (ред.), *Ориентализм vs. ориенталистика*. М., 27–52.
- Zhigunin, V.D., Myagkov, G.P. 2002: [The Ancient Orient in the historiosophic concept of N.I. Kareev]. In: G.P. Myagkov, E.A. Chiglintsev, O.L. Gabelko (eds.), *Мвѣща: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennuyu pamyati prof. V.D. Zhigunina [Мвѣща: Collection of Papers Commemorating Prof. V.D. Zhigunin]*. Kazan, 24–44.  
Жигунин, В.Д., Мягков, Г.П. Древний Восток в историософской концепции Н.И. Кареева. В сб.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев, О.Л. Габелко (ред.), *Мвѣща: Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина*. Казань, 24–44.